

УДК 327.8 (510)

© *О. А. Тимофеев, 2009*

«МЯГКИЕ» МЕТОДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В КНР

Тимофеев О. А. – канд. ис. наук ст. науч. сотр. лаборатории геополитических исследований, тел.: (4162) 39-46-43; e-mail: timo0a@mail.ru (АмГУ)

Развитие международных отношений в последнее время требует от ведущих государств мира новых подходов. Китайские ученые ведут активный поиск моделей наиболее адекватного соответствия растущей экономической мощи и «мягкой» силы страны национальным интересам и потребностям международного сообщества. Одновременно с этим Китай реализует стратегию гармоничного мира, отражающую усилия в поиске моделей сотрудничества в период глобализации. Концепция же «мягкой» силы способствует формированию благоприятных условий для достижения многоуровневого консенсуса между разнообразными акторами международных отношений.

Recently the development of international relations demands new approaches from leading states of the world. Chinese scholars actively search for models of the most appropriate conformity of growing economic power and “soft” power of the country to its national interests and needs of international community. At the same time China realizes a strategy of harmonious world which reflects efforts to find new models of cooperation in the period of globalization. The concept of “soft” power facilitates forming favorable conditions for achievement of multi-level consensus between various actors of international relations.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, гармонизация международных отношений, совокупная государственная мощь, «мягкая» власть

В свое время известный американский ученый Дж. Най предложил применять при измерении мощи государства его способность добиваться желаемых результатов от других стран, а при необходимости и полностью изменять их (внешне) политическое поведение [1].

Главным научным открытием Дж. Ная стал разработанный им в начале 90-х гг. термин «мягкая сила» (soft power). Он предложил противопоставлять «жесткой силе» (hard power) мягкое, опосредованное влияние. По выражению

автора концепции мягкой силы, она обеспечивает «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» [2].

Китай, не имея возможности конкурировать с США по степени военной мощи, уровню своего международного политического влияния, стремится конкурировать с Вашингтоном в экономической сфере (прежде всего, в сфере производства дешевых товаров основной потребительской корзины), а также проявляя более гибкие подходы во внешней политике, особенно в развивающихся странах и странах, переживающих политический транзит (принципиально отказываясь от традиционной для Запада увязки развития двустороннего сотрудничества с ситуацией с гуманитарными правами). При этом некоторые китайские авторы настаивают на лидерстве Пекина даже по отношению к таким крупным и быстро растущим державам, как Россия. Явное лидерство Китая в применении экономических рычагов позволяет некоторым китайским ученым утверждать, что «в начале XXI века в Восточной Азии возник новый расклад сил, при котором четко обозначились ведущие роли двух великих держав – Китая и Соединенных Штатов и второстепенные роли Японии, Южной Кореи и России» [3].

Подобная трансформация внешнеполитического статуса страны заставляет китайских политологов формулировать новые задачи дипломатии, вытекающие из необходимости активного использования ресурсов мягкой силы на международном уровне.

С начала нынешнего столетия Китай стал все громче заявлять о намерении реализовать свои национальные задачи в рамках существующей системы международных отношений с позиций крупного игрока, входящего в круг акторов, способных влиять на принятие глобальных решений. Еще в ноябре 2003 г. на заседании Боаосского форума известный китайский ученый, наиболее близкий нынешнему руководству страны Чжэн Бицзянь предложил идею «мирного подъема» (*хэпин цзюэци*) Китая. Осенью 2005 г. соответствующая статья Чжэн Бицзяня была опубликована в американском журнале «Foreign Affairs» [4].

Суть «концепции мирного подъема» сводилась к трем утверждениям. Во-первых, стратегия КНР состоит в обеспечении условий для мирного возвышения страны посредством самостоятельного следования по пути социализма с китайской спецификой при одновременной активизации участия в процессах экономической глобализации, которая со второй половины 90-х гг. называется одной из главных тенденций развития современного мира (наряду с политической многополярностью). Во-вторых, несмотря на стремление опираться прежде всего на собственные силы, Китай нуждается в мирном международном окружении. В-третьих, подъем, к которому стремится КНР, будет исключительно мирным. Атрибут «мирный» сыграл определенную роль в ослаблении позиций тех западных экспертов, которые формировали свое видение экономического роста КНР исключительно сквозь призму концепции «китайской угрозы».

Однако амбициозное упоминание о «возвышении» Китая, пусть даже «мирном», по-прежнему тревожило иностранную аудиторию. К тому же в ходе обсуждения в китайском экспертном сообществе стало ясно, что данный лозунг вызывает сомнения и неоднозначные трактовки внутри страны. В результате со второй половины 2004 г. власти стали возвращаться к формулировке «мирное развитие» (*хэпин фачжань*), характерной еще для 80-х гг.

Одновременно с этим китайские теоретики все чаще обращаются и к предложенному Дж. Наем понятию «мягкой силы». Данная тема появилась в китайском обществоведении и публицистике еще в начале 90-х гг. и была тесно связана с т. н. «шанхайской школой» международных исследований, для которой были характерны интерес к теоретическим изысканиям и оптимизм в оценках перспектив американо-китайских отношений. Уже в первых статьях, посвященных указанной проблеме, делались попытки определить структуру «мягкой силы». Так, например, Ван Хунин отмечал, что она включает в себя следующие компоненты: политическую систему и политическое руководство, национальный дух, международный образ общества, международную стратегию государства, способность определять тип международной системы, уровень развития науки и техники [5]. Одним из источников «мягкой силы» КНР должна была стать «гармоничная» дипломатия, построенная на идеях многообразия моделей развития, поддержания глобальной стабильности и создания условий для «всеобщего процветания», в котором заинтересованы, прежде всего, развивающиеся страны.

После азиатского кризиса 1997 г. китайские ученые стали предметно изучать роль имиджа (*синсян*) во внешнеполитической стратегии Китая [6, 7]. В настоящее время многие из них выделяют и другие смежные с факторами мягкой силы категории: под имиджем понимается общепринятое мнение либо впечатление от той или иной страны, под репутацией (*шэньюй*) – оценка особенностей развития страны, позволяющая предугадать или объяснить ее будущие действия. По мнению Ван Сюэдуна, престиж (*шэньван*) и авторитет (*цюаньвэй*) государства тесно связаны с властью (*цюаньли*) и влиянием (*инсянли*), обусловленными позитивной репутацией государства [8].

Другим крупным международным событием, укрепившим интерес китайских исследователей к взаимоотношению между компонентами жесткой и мягкой силы, стала начатая США война в Ираке. Так, например, бывший министр иностранных дел и заместитель премьера Госсовета КНР Цянь Цичэнь в одной из статей, опубликованных в 2004 г., утверждал, что после событий 11 сентября 2001 г. США стали проводить антитеррористическую политику по всему миру, но попали в трудную ситуацию в Ираке. Подобная стратегия «недооценила роль «мягкой силы» и международных институтов, что лишило Америку некоторых важных инструментов, необходимых для реализации стратегии национальной безопасности» [9].

Об устойчивости исследовательского интереса к указанной проблеме свидетельствует и тот факт, что, например, последний номер одного из наиболее авторитетных в КНР академического журнала, посвященного междуна-

родным отношениям, – «Гоцзи вэньти луньтань» (Форум международных проблем) открывается материалами бывшего и нынешнего руководителей Шанхайской академии международных исследований Юй Синьтянь и Ян Цземьянь, посвященными проблеме реализации мягкой силы Китая на международной арене.

Профессор Ян Цземьянь (брат министра иностранных дел Китая Ян Цзечи) полагает, что концепция мягкой силы свидетельствует о значительном прогрессе в развитии внешнеполитической стратегии КНР по сравнению со сформулированными в 50-е гг. XX в. «пятью принципами мирного сосуществования»: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равноправия, взаимной выгоды и отказа от агрессии как средства решения международных споров, а также разработанной в 90-е гг. стратегией установления разумного и справедливого нового международного экономического и политического порядка [10]. При этом актуализация фактора мягкой силы исследуется автором сквозь призму социологической концепции общественных благ (public goods), редиистрибуция которых отвечает следующим условиям:

1) неконкурентность в потреблении – потребление блага одним субъектом не снижает возможности его потребления другими;

2) неисключительность в предоставлении – производитель блага не может воспрепятствовать потреблению блага субъектом, не уплатившим за право потребления.

Основная особенность мягкой силы заключается в том, что она, проистекая из экономических и культурных факторов, не может быть объяснена в терминах геополитики. Однако обладая определенной комплементарностью по отношению к жесткой силе, она, тем не менее, в определенном смысле более эффективна, чем последняя [11].

Один из наиболее авторитетных китайских политологов-международников директор Института международных проблем Университета Цинхуа (Alma Mater Председателя КНР Ху Цзиньтао и многих других высокопоставленных представителей современной политической элиты Китая) Янь Сюэтунь полагает, что общий показатель мягкой силы состоит из факторов международной привлекательности (привлекательность государственной модели и привлекательность культуры), а также международной (наличие стратегических дружественных отношений с другими странами масштабы участия в формировании международного правового порядка) и внутригосударственной (степень воздействия на элиту и общество) мобилизационной силы. По мнению ученого, перечисленные параметры могут иметь и социометрическое измерение. Так, например, под привлекательностью государственной модели понимается процентное соотношение государств со сходной политической системой, а возможности по мобилизации элиты и общества рассчитываются исходя из процентного соотношения членов правящей партии соответственно в парламенте и среди взрослого населения страны. Такой показатель, как привлекательность культуры рассчитывается

по формуле: [процентное соотношение стран со схожей национальной культурой + (доля в мировом экспорте кинопродукции + доля иностранцев в общей численности студентов) / 2] / 2, а степень участия в формировании международного порядка – по формуле [процентное соотношение государств с совпадающим голосованием в СБ ООН + (процентная квота в капитале Всемирного банка + процентная квота в капитале МВФ) / 2] / 2.

Янь Сюэтун полагает, что мягкая сила актуализируется, прежде всего, в терминах политической власти, определяемой как операциональная сила. Культура рассматривается им как ресурсная сила, что роднит ее с факторами жесткой силы (см. таблицу) [12].

Структура совокупной государственной мощи КНР

Совокупная государственная мощь	Жесткая сила		Мягкая сила	
	Военная сила	Экономическая сила	Культурная сила	Политическая сила
	Ресурсная сила			Операциональная сила

При этом Янь Сюэтун полагает, что операциональная сила является не слагаемым, а мультипликатором ресурсной силы в соответствии с формулой: $CP = (M + E + C) \times P$, где CP – совокупная государственная мощь, M – военная сила, E – экономическая сила, C – культурная сила, а P – политическая сила. Таким образом, при нулевом значении P нулифицируется и вся формула. Пример подобной ситуации автор усматривает в исторической судьбе Советского Союза, обладавшего мощнейшим оборонным потенциалом, значительными экономическими и культурными ресурсами, однако в годы правления М. Горбачева полностью лишившегося политического авторитета, что и послужило основной причиной распада единого государства.

Иной точки зрения придерживаются ученые из Шанхайской академии международных исследований. Лу Ган, например, полагает, что фактор культуры проявляется в том числе и при реализации жесткой силы, а стратегическому авторитету может и недоставать культурного влияния [13].

По мнению Юй Синьтянь, основой мягкой силы является культура и, прежде всего, ее краеугольный камень – представления о ценностях [14]. Свое расхождение со взглядами Янь Сюэтун она видит в трех аспектах.

1. Янь Сюэтун, являясь сторонником традиционного подхода, определяемого в терминах военно-политического контроля, сводит понятие культуры лишь к культурному наследию (история, традиционная культура и философия), что, в свою очередь, сближает его с позицией П. Катценштейна, трактующего идентичность как факт или данность [15]. Вместе с тем, данный подход недооценивает влияние культурных ценностей на современную жизнь, эволюционирующий и преобразующий характер культуры. Данный вывод китайской исследовательницы может быть подкреплён, в том числе и тем

фактом, что для большинства западных ученых, занимающихся изучением влияния культурных факторов на международные отношения, ценности (идентичности) представляет собой то, что перманентно формируется и переформулируется во взаимодействии с другими акторами. Тот факт, отмечает Юй Синьтянь, что во многих развивающихся странах при отсутствии политического давления извне активно изучается опыт Китая, убедительно доказывает: представления, идеи и принципы (как отражение культурных ценностей) являются не только ресурсом, но и фактором операциональной силы.

2. Янь Сюэтуан заблуждается, отделяя политическую власть от ее общекультурных истоков. В отсутствие культурного фона любая политика превращается лишь в пустую конструкцию.

3. Политическая стратегия и политический курс имеют не только политические, но также идейные, культурные и ценностные истоки. По мнению Юй Синьтянь, если бы современные китайские лидеры находились во власти контекстных представлений военного и революционного времени, внешнеполитическая стратегия КНР заключалась бы в идеях разгрома мирового империализма и советского ревизионизма.

Последняя мысль китайской исследовательницы также сближает ее с основными постулатами конструктивизма. Конструктивисты уверены, что международные отношения (подобно всем иным типам политических отношений) определяются социальными конструктами, такими, как верования, убеждения, восприятия и идеи. Характер взаимодействий между двумя государствами, по их мнению, суть не просто продукт объективных материальных факторов, например, торгового баланса, уровня военной мощи или структуры внутренних учреждений. Межгосударственные отношения в значительной степени сформированы также и такими субъективными факторами, как убеждения и идеалы, которые заставляют людей интерпретировать те или иные события и факты специфическим образом. В итоге оказывается, что правила, принципы и нормы поведения конструируются самими акторами.

Наиболее важные из факторов, влияющих на данный процесс, могут быть сгруппированы в три категории: идентичности (коллективное самовосприятие политических акторов и разделяемое ими восприятие самих себя, ведущие к конструированию некоего воображаемого сообщества); стратегическая культура (набор убеждений о фундаментальном характере международной политики и об оптимальных путях решения международных проблем, особенно в тех случаях, когда это касается оправданности применения силы и перспектив сотрудничества); и, наконец, нормы (уверенность в том, что является не только эффективным, но также законным и допустимым).

Наиболее значимой для Китая с точки использования ресурсов «мягкой силы» в своей внешней политике на глобальном уровне становятся концепции единства (*тун*) и гармонизации (*хэсе*) международных отношений.

Реализация принципа единства возможна как при сохранении, так и при минимизации разногласий (*и*). Последнюю идею предложил американской стороне премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем выступлении 8 декабря

2003 г. в Нью-Йорке. Обратной стороной данной формулы является стремление к великому (максимальному) единству (*датун*), что можно рассматривать как сигнал, говорящий о желании активно участвовать в глобальном управлении.

Гармония (*хэ*) является одним из наиболее важных понятий традиционной китайской философской мысли. Основоположником дихотомии гармония – единство считается чиновник Янь Ин, живший в VI в. до н. э. Идеальные (гармонизированные) отношения между правителем и его чиновниками он связывал с соблюдением ритуала, а не с установлением прямого контроля (единства). Противопоставление категорий гармонии и единства встречается уже в трактате «Лунь юй» (Суждения и беседы), излагающем высказывания Конфуция, записанные его учениками. Гармония, по мысли Конфуция, характеризует отношения внутри элит (благородных мужей), в то время как объединение в политические группировки – удел ничтожных людей. Другой трактат – «Гоюй» (Речи царств) отождествляет понятие «уравновешенности» в большей степени с гармонизацией, чем с единством. В настоящее время концепция «стремиться к единству» применяется чаще всего при постулировании целей двусторонних отношений, а концепция гармонизации – многосторонних и глобальных аспектов внешней политики Китая. На особый характер второго процесса указывает и использование специального глагола: если двусторонние отношения устанавливаются (*цзяньли*), то гармоничный мир реструктурируется (*гоуцзянь*).

Вместе с тем для некоторых авторов свойственна позиция, объединяющая категории «единства» и «гармонии». Показательна в данном смысле точка зрения заместителя директора департамента планирования МИД КНР Ли Цзе, который указывает на соединение базовых для традиционной китайской культуры принципов мира (гармонии) и единства как на уникальный китайский ресурс реализации «мягкой» силы. Природа подобного соединения, уподобляемого автором соединению твердости и мягкости, основывается на идее единства противоположностей, заключенной в формуле взаимопроникновения темного (*инь*) и светлого (*ян*) начала. В качестве стержневого концепта «мягкой» силы Китая можно выделить категорию гармонии, основой которой является идея разнообразия. Следует при этом отметить, что признание разнообразия (*доянсин*) социально-экономических систем различных государств мира и диверсификации (*доюаньхуа*) моделей их политического развития, уже с начала 90-х гг. XX в. прочно вошло в число тех основных принципов, которыми руководствуется КНР на международной арене.

Данные постулаты подтверждены и в отчетном докладе XVII съезду КПК, декларирующем уважение со стороны Китая права народов всех стран на самостоятельный выбор собственного пути развития, невмешательство во внутренние дела других стран, отказ от навязывания им своей воли. Что касается международного уровня, то здесь долгосрочные задачи укрепления «мягкой» силы Китая, по мысли Ли Цзе, должны заключаться в развитии следующих процессов.

1. Уникальные элементы китайской культуры должны быть нацелены на расширение взаимопонимания и обменов между Китаем и другими странами.

2. Идеи мирного развития должны стать средством убеждения широкой международной общественности, способным выступать противовесом набору тех предубеждений и враждебности, которые Запад культивирует в отношении китайской идеологии.

3. Идеи мира, гармонии и взаимной выгоды должны постоянно обогащаться, наполняясь современным содержанием. Следует, прежде всего, пропагандировать те современные идеи, которые являются квинтэссенцией китайской культуры (мирное развитие, стратегия открытости).

4. «Мягкую» силу Китая следует реализовывать, используя наиболее объективные подходы. Следует честно говорить о тех проблемах, которые на самом деле волнуют международное сообщество: негативные последствия экономического роста в Китае, расширение диалога по вопросам энергетической безопасности, защита окружающей среды.

5. Следует уделять повышенное внимание неправительственным (в том числе человеческим) ресурсам «мягкой» силы. Все граждане Китая должны помнить о том, что они представляют на международной арене не только себя, но и свою страну [16].

Вполне очевидным является тот факт, что основным объектом реализации «мягкой» силы Китая являются соседние страны. Так, например, в ходе своего выступления на саммите АСЕАН 7 октября 2003 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в качестве основных компонентов стратегии развития отношений со странами Азии назвал категории добрососедства (*мулинь*), безопасного соседства (*аньлинь*) и выгодного соседства (*фулинь*). По словам Вэнь Цзябао, традиции добрососедства восходят к традиционной гуманности китайской нации и сокровищницам китайской философской мысли. Воплощение данного принципа позволило бы создать в Азии модель стабильных и гармоничных межгосударственных отношений.

В качестве принципа безопасного соседства китайский премьер понимает поддержание мира и стабильности в регионе, укрепление взаимного доверия через диалог, решение споров путем проведения переговоров и создание в Азии условий для мирного и безопасного развития.

Выгодное соседство – это укрепление взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами, углубление регионального и субрегионального сотрудничества, активизация региональной экономической интеграции осуществление совместного развития с азиатскими странами [17].

Одним из наиболее перспективных для Китая с точки зрения реализации концепции «мягкой» силы является Африканский континент. Специфика работы на данном направлении будет заключаться в акцентировании экономической привлекательности модели сотрудничества, основанной на идеи взаимного выигрыша, оказании экономической помощи без увязывания ее с ситуацией с правами человека в странах-реципиентах и докладами различных международных организаций, международной институционализации китай-

ско-африканского сотрудничества, а также донорских интервенциях в форме поставок дешевых потребительских товаров, прежде всего одежды, для наиболее бедного населения стран региона [18].

Китайские политологи подчеркивают, что влияние Китая в мире должно не ограничиваться лишь глубинными пластами традиционной культуры, но также иметь в виду запросы и массового зарубежного потребителя. Такие концепты, как костюм династии Тан (VI–X вв.), китайский зеленый чай, иероглифы, китайские мотивы в ландшафтном и архитектурном дизайне, вполне смогут распространять влияние страны за рубежом.

Существенным элементом улучшения международного имиджа является участие в работе международных организаций. Развитие внешнеполитического процесса в КНР в последние годы говорит о резком отходе от старых догм, связанных с отказом от участия в широких международных структурах и развития многосторонней дипломатии. В 2001 г. лидеры Китая не стали противиться вступлению во Всемирную Торговую Организацию Тайваня на той же министерской сессии, что и КНР. Кроме того, Пекин стал участвовать и в работе базирующегося в сингапурском отеле «Шангри-ла» неформального форума министров обороны стран АТР, на котором присутствовали и тайваньские представители.

Таким образом, по мнению авторитетных китайских ученых, все более важным ресурсом международного влияния КНР становится фактор „мягкой” силы. Как полагает председатель комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ К. Косачев, «Россия часто действует ошибочно..., забывая о том наборе инструментов, который обрел общее название «мягкой» силы и который в части России работает крайне неэффективно» [19]. В такой ситуации опыт нашего великого тихоокеанского соседа – Китая – мог бы быть крайне полезен при определении новых, современных приоритетов российской дипломатии.

Библиографические ссылки

1. *Joseph S. Nye*. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York, 2002.
2. *Дж. Най*. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006.
3. *Юй Сяотун*. Стратегический баланс сил в АТР на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дис. ... полит. наук. М., 2007.
4. *Zheng Bijian*. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status // Foreign Affairs. September-October, 2005.
5. *Мэн Хунин*. Цзювэй гоцзя шили-дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как сила страны: мягкая власть) // Фудань сюэбао. Серия «Общественные науки». 1993. № 3.
6. *Ван Ичжоу*. Мянсян 21 шицзи-дэ Чжунго вайцзяо: сань чжун сюйцю цзи ци пинхэн (Китайская дипломатия накануне XXI в.: поиски трех потребностей и их баланс) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 1999. № 6.

7. *Ши Иньхун*. Гуаньюй Чжунго-дэ даго дивэй цзи ци синсян-дэ сыкао (О статусе и имидже великой державы для Китая) // Гоцзи цзинцзи пинлунь. 1999. № 9-10.
8. *Ван Сюэдун*. Гоцзя шэньюй юй гоцзи чжиду (Репутация государств и международные режимы) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2003. № 7.
9. *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая: Пекин творчески развивает американскую концепцию «мягкой силы» // Pro et Contra. 2007. № 3.
10. *Ян Цземьянь*. Чжунго дуй жаунь шили-дэ таньсо: цзовэй гунгун чаньпинь-дэ гоцзи тиси гуань (Поиски мягкой мощи Китая: международная система как общественные блага) // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 48.
11. *Xintian Yu*. Combining Research on Cultural Theory and International Relations // International System in Changing and Shaping / ed. by Jiemian Yang. Shanghai, 2006.
12. *Янь Сюэтун, Янь Лян*. Гоцзи гуаньси фэньси (Анализ международных отношений). Пекин, 2008.
13. *Лу Ган*. Вэньхуа шили жо жан Чжунго шифэнь (Слабость культурной силы заставляет Китай проигрывать) // Хуаньцю шибао. 2007. 19.06.
14. *Юй Синьтянь*. Жуань лилян цзяньшэ юй Чжунго дуйвай чжаньлюэ (Строительство мягкой силы и внешняя стратегия Китая) // Гоцзи вэньти луньтань. 2007. № 48.
15. *Peter J. Katzenstein*. Norms, Identity, and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P. Katzenstein. New York, 1996.
16. *Li Jie*. Soft Power Building and China's Peaceful Development // China International Studies. 2006. № 5.
17. *Вэнь Цзябао*. Чжунго-дэ фачжань юй Ячжоу-дэ чжэньсин (Развитие Китая и возрождение Азии) // Жэньминь жибао. 2003. 08.10.
18. *Liu Yumei*. China's Soft Power and the Development of China-Africa Relations // China International Studies. 2007. № 7.
19. *Косачев К.И.* Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире // Индекс безопасности. 2008. № 4.